

А. З. МАНФРЕД

ЖАН ЖОРЕС — БОРЕЦ ПРОТИВ РЕАКЦИИ И ВОЙНЫ

(К столетию со дня рождения)

3 сентября 1859 г. в городе Кастре, департамента Тарн, на юге Франции, родился Жан Жорес.

На пятьдесят пятом году его жизнь была насильственно оборвана выстрелом наемного убийцы из-за угла. Жорес был убит 31 июля 1914 г., в последние часы перед началом мировой войны. На могильной плите Жореса значатся две даты: 1859—1914. За этими датами скрыта большая и яркая жизнь, полная исканий и борьбы.

Жизненный путь Жореса не был ни прост, ни прямолинеен. И сам Жорес как человек, как политический деятель, как один из вождей французского и международного социалистического движения конца XIX — начала XX в. был тоже сложен и противоречив.

Человек большой одаренности, могучих творческих сил, многосторонних интересов и широких знаний — профессор философии, один из крупнейших историков первой французской революции, трибун, обладавший поразительным ораторским даром, блестящий публицист, виднейший деятель международного рабочего движения, неизменно участвовавший в самых ожесточенных политических боях, — Жорес не мог не привлекать к себе самое пристальное внимание. Вокруг его имени всегда — и при жизни и после смерти — шли споры. Достаточно бегло просмотреть большую и все возрастающую историческую и публицистическую литературу, посвященную Жоресу¹, чтобы убедиться, сколь противоречиво и даже противоположно оценивали деятельность Жореса и его современники и представители последующих поколений вплоть до наших дней.

Более того, в литературе, различной по своей идейно-политической направленности, шла борьба за наследство Жореса, за то или иное истолкование его политических взглядов. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого вопроса, ограничимся одним примером. Имя Жореса — великого сына французского народа и мужественного борца против реакции — высоко чтут французские коммунисты², с законной гордостью сохраняю-

¹ См. Ch. Rappoport. Jean Jaurès, l'homme, le penseur, le socialiste. 3-me éd. Paris, 1925 (русск. перевод: Ш. Раппопорт. Жан Жорес — человек — мыслитель — социалист. Гомель, 1924); R. Viviani, E. Vaillant. Un grand disparu Jean Jaurès. Paris [s.a.]; F. Gouttenoire de Toury. Jaurès et le parti de la guerre. Paris, 1922; L. Levy-Bruhl. Jean Jaurès. Paris, 1924; M. Beer. Jean Jaurès — Sein Leben und Wirken. Berlin, 1915; Ж. Клеман. Жорес реформист. М., 1931; M. Lair. Jaurès et l'Allemagne. Paris, 1935; P. Bouman. Jaurès, Wilson, Rathenau. Amsterdam, 1936; H. Weinstein. J. Jaurès. New York, 1936; F. Challaye. Jaurès. Paris, 1948; J. Feuillard. Jaurès. Homme d'aujourd'hui. 4-me éd. Paris, 1948; M. Auclair. La vie de Jean Jaurès, ou la France d'avant 1914. Paris, 1954 и др.

² См., например, М. Торез. Избранные произведения, т. I. М., 1959, стр. 98, 298, 313, 411, 463, 477 и др.; Ж. Дюкло. Избранные произведения, т. I — II. М., 1959; сборник «Jaurès et la paix». Paris, 1949; журнал «L'Europe», octobre — novembre 1958 и др.

щие на первой странице центрального органа партии «L' Humanité» слова: «Основатель — Жан Жорес». В то же время именем Жореса любил прикрывать свою раскольническую деятельность, принесшую большой вред рабочему движению, Леон Блюм³; охотно делают это и другие французские правые социалисты⁴.

Споры об идейном содержании политического наследия Жореса были в большой степени продолжением споров, начавшихся еще при его жизни и порожденных прежде всего противоречивостью его взглядов, его политической тактики.

Скажем сразу: в тех спорах, которые Жорес вел с другими французскими социалистами на конгрессах II Интернационала по разным вопросам освободительной борьбы пролетариата — и принципиальным и тактическим, — он в большинстве случаев был не прав. Тактика, которую он чаще всего отстаивал, отнюдь не была последовательно революционной. Более того, Жорес был реформистом. Но сказать только то, что Жорес — реформист, и поставить точку — значило бы дать ему ошибочную оценку.

Империалистическая реакция, направляя руку наемного убийцы, хотела убрать со своего пути того, кого считала для себя наиболее опасным. При всех своих ошибках в теоретических вопросах социалистического движения, в методах борьбы, в тактике Жорес был одним из самых смелых и мужественных среди французских социалистов противников империалистической реакции, колониального грабежа, милитаризма, войн. Против милитаризма Жорес вел — не столько в теории, сколько на практике — отважную и действенную борьбу.

Как же совмещались в этом политическом деятеле столь различные начала? Что было в его деятельности преобладающим? Что является главным в идейно-политическом наследии Жореса?

Без ответа на эти вопросы нельзя понять, почему и сегодня, сто лет после рождения Жореса, прогрессивное человечество с уважением и благодарностью чтит память выдающегося борца за социализм.

* * *

В политической истории Франции нового времени, начиная с Наполеона Бонапарта, выработался и стал в своем роде классическим путь продвижения политических деятелей к власти, который можно определить краткой формулой: слева — направо.

Пример, показанный артиллерийским офицером-корсиканцем, верным солдатом якобинской республики, другом Робеспьера-младшего и Саличетти, ставшим затем всемогущим императором французов, перед которым склонилось пол-Европы, кружил головы не одному поколению молодых честолюбцев. Этот пример — разумеется, на ином уровне и в других исторических условиях — был варьирован затем многими: Эмилем Оливье, Жоржем Клемансо, Александром Мильераном, Рене Вивиани, Аристидом Брианом и другими.

Жан Жорес шел совсем иным путем. Среди крупных политических деятелей Третьей республики он был единственным, кто шел не слева — направо, а в противоположном направлении: справа — налево.

По своему происхождению и родственным связям⁵, по своему воспитанию и образованию, позднее — положению профессора философии Тулузского университета, почти бессменного члена палаты депутатов, Жорес был тесно связан с буржуазными или, точнее, с буржуазно-интеллигент-

³ L. Blum. Jean Jaurès. 3-me éd. Paris, 1937.

⁴ L. Jouhaux. A Jean Jaurès. Paris, 1915; A. Zévaès. Jaurès. Paris, 1938; L. Levy-Bruhl. Jean Jaurès.

⁵ Дядя Ж. Жореса, адмирал Бенжамен Жорес, занимал одно время пост французского посла в Мадриде, а затем в Петербурге.

скими кругами. Замечательный дар красноречия, создавший Жоресу репутацию первого оратора своего времени, публицистический талант и общая одаренность привлекли к нему внимание с первых же его шагов на политическом поприще, сделали его сразу заметным, а позднее влиятельным политическим деятелем.

На протяжении всего политического пути перед Жоресом всегда оставались широко распахнутыми двери наверх — к власти, славе и деньгам. «Вы сами один — большинство», — бросали ему реплики члены палаты депутатов⁶. Его личный авторитет и политическое влияние были так вели-

ЖАН ЖОРЕС

ки, что разные партии господствующих классов старались привлечь его на свою сторону, предлагая все, что может дать буржуазный строй, начиная от высших государственных постов и кончая золотом.

Для самых же крайних, отвергавших метод пряника и веривших в чудодейственную силу кнута, Жорес, с презрением отвергнувший обольщения буржуазии и поведший против нее борьбу, являлся ненавистным противником. Они нападали на него с такой яростью, с таким неистовством злобы, каких они не обнаруживали по отношению к другим социалистическим вождям.

Но Жорес не принадлежал к числу тех людей, которых можно подкупить или запугать. Он шел своим путем, который вел его все дальше влево — к народу, к его передовой части — пролетариату, к социализму.

⁶ Ш. Раппопорт. Жак Жорес..., стр. 10.

Жорес, воспитанный на идеях французского просветительства, на «великих принципах 1789 года», непоколебимо преданный принципам республиканизма и демократии, с первых же своих шагов на политическом поприще столкнулся с действительностью, очень мало соответствовавшей его республиканским идеалам. Начало его политической деятельности относится к середине 80-х годов XIX в. Это было время господства буржуазных республиканцев — «оппортунистов», в короткий срок растративших политический капитал, который они накопили за годы пребывания в оппозиции. Скандалы, сопровождавшие «великие» колониальные завоевания Жюля Ферри (захват Туниса, затем Тонкина), изгнание Жюля Гриви из Елисейского дворца, буланжистский кризис, грандиозная панамская афера, запятнавшая грязью самых авторитетных лидеров буржуазно-республиканских партий, — вот с чем сразу же встретился молодой Жорес.

Эта республика Ферри, Гриви и Рувье с ее всепроникающей коррупцией и мелочным политиканством была совсем непохожа на строгую героическую республику Робеспьера и Сен-Жюста. И Жореса, оставшегося всегда честным и чистым в своих побуждениях и действиях, эта отрезвляющая действительность побудила отвернуться от буржуазных республиканцев, в рядах которых он начал свой политический путь. Не республика была плоха — для Жореса республика никогда не могла быть дурной, — плохи были те, кто, говоря от имени республики, унижали и пятнали ее.

Для убежденного искреннего демократа и республиканца Жореса была неприемлема и та реакционная политика, которую с конца 80-х — начала 90-х годов стали открыто проводить буржуазные республиканцы, протянувшие руку примирения католикам и монархистам, «присоединившимся» к республике⁷.

Подлинных защитников республики и демократии Жорес нашел в рабочем классе и социалистическом движении.

Жорес пришел к пролетариату и социализму потому, что увидел в них единственную силу, способную противостоять буржуазному растлению и буржуазной реакции, очистить республику от буржуазной скверны, возродить ее, вдохнуть в нее новую жизнь.

В известной речи в палате депутатов 21 ноября 1893 г., направленной против реакционной программы правительства Дюкло, Жорес с огромной силой убежденности подчеркнул, что «социализм исходит из республиканского движения», а буржуазные республиканцы, проводя реакционную политику, выступают против республики. Он закончил свою обвинительную речь заявлением: «Вы — дезертиры республиканской политики, мы — социалисты — будем ее продолжать!»⁸

Эту мысль о неразрывной связи между социализмом и республикой Жорес развивал многократно. «Социалистическая партия — партия глубоко, страстно республиканская, — говорил он в ноябре 1905 г. в Лиможе. — Республика и социализм неразделимы и почти сливаются в одно понятие. Социализм неразрывно связан с республикой и по существу и по традиции. Революционная французская традиция соединяет и отождествляет социализм и республику»⁹.

Эта речь, как и другие его выступления, в которых звучат подобные же мотивы¹⁰, раскрывает еще один из источников, приведших Жореса к пролетариату и социализму. Жорес пришел к социализму, воодушевленный идеями отвлеченного буржуазного гуманизма, берущего свои истоки в да-

⁷ См. L. de Cheyssac. Le Raillement — une page d'histoire politique. Paris, 1906; P. Dabry. Les catholiques républicains. Paris, 1905; H. Rollet. L'Action sociale des catholiques en France. Paris, 1947, p. 338—384 и др.

⁸ J. Jaurès. Oeuvres, vol. III. Études socialistes. Paris, 1931, p. 240.

⁹ Ж. Жорес. Избранные речи и статьи. СПб, 1907, стр. 69—70.

¹⁰ См. J. Jaurès. Le Socialisme de la Révolution française; его же. Oeuvres, vol. I, III и др.

леком прошлом¹¹. Не случайно Жорес так часто говорил о французских традициях. Они соединяли его с этическими и философскими концепциями французских просветителей XVIII в., в особенности Руссо, якобинцев 1793 г., великих социалистов-утопистов. Жорес был одним из продолжателей этой долголетней традиции французского гуманизма. В частности, из этих источников проистекала его глубокая и в то же время иллюзорная вера во всемогущество разума, в возможность силой убеждения, слова добиться радикальных перемен в общественном строе.

Искренняя любовь к справедливости, поиски правды, темперамент бойца, политическое чутье подсказали Жоресу, что единственным классом в буржуазном обществе, который может и должен стать наследником великих традиций французского гуманизма, является только пролетариат.

Путь Жореса к пролетариату и социализму в этом аспекте был близок (понятно, с рядом существенных особенностей) той эволюции, которую проделали в разное время два других выдающихся представителя французского гуманизма — Анатоль Франс и Ромэн Роллан.

Все эти причины и побуждения, остававшиеся всегда чистыми и бескорыстными, и привели Жореса от буржуазного радикализма к социализму.

Соединив свою судьбу с освободительной борьбой рабочего класса, Жорес почти сразу, благодаря своим дарованиям, стал одним из лидеров французского социализма. Однако это отнюдь не значит, что он стал по своему мировоззрению и практической деятельности пролетарским революционером.

Правда, за 20 с лишним лет участия во французском и международном социалистическом движении Жорес многому научился у рабочего класса, проникся глубокой верой в его неисчерпаемые силы, воспринял боевой задор французских пролетариев, их революционный оптимизм. По некоторым важным вопросам, например по вопросу о всеобщей стачке и массовой стачке вообще, Жорес, находившийся на правом крыле французского социализма, занял значительно более правильную позицию, чем многие другие видные социалисты.

Но надо прежде всего подчеркнуть, что, примкнув к социалистическому движению, Жорес не принял великой революционной теории пролетариата — марксизма, не стал марксистом-диалектиком. Он открыто заявлял, что «материалистическое понимание истории не является препятствием к ее идеалистическому толкованию»¹². Он до последних дней своих был идеалистом-эклектиком, что проявлялось не только в его трудах по истории¹³ и в философских работах¹⁴; все его мировоззрение было насквозь эклектично и поэтом духом эклектики были проникнуты также и все политические выступления Жореса.

Один из влиятельнейших лидеров французского социалистического движения и II Интернационала, Жорес не стал, однако, рабочим вождем. Он оставался мужественным, неустрашимым демократом-интеллигентом, беззаветно преданным делу защиты демократии и социализма, которые он понимал и защищал в духе идеалистического мировоззрения и мелкобуржуазных иллюзий, во власти которых он всецело оставался.

Все это, естественно, приводило к тому, что в рядах французского и международного социализма Жорес неизменно оказывался на его правом крыле. В. И. Ленин подвергал жестокой и справедливой критике оппортунистические воззрения и тактику Жореса. Его ошибочные оппортунистические взгляды резко критиковали также Роза Люксембург, Гед, Вайян и другие представители левого крыла международного рабочего движения.

¹¹ Мне приходилось уже обращать на это внимание. См. А. Манфред. Жан Жорес.— «Исторический журнал», 1944, № 9.

¹² Ж. Жорес. Идеалистическое и материалистическое понимание истории. 1905, стр. 3.

¹³ J. Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution française. 2-me éd, t. 1—8. Paris, 1922—1924.

¹⁴ J. Jaurès. Oeuvres, vol. VII. De la réalité du monde sensible. Paris, 1937.

Но В. И. Ленин, ведя принципиальную борьбу против взглядов Жореса, против всего оппортунистического направления Жореса, вместе с тем подчеркивал: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия»¹⁵. Это указание В. И. Ленина, наряду с другими его суждениями о Жоресе, говорит о том, что Ленин в своей критике жоресизма никогда не забывал о безукоризненной честности и искренности Жореса, о чистоте и благородстве его побуждений.

Реформизм Жореса никогда не был реформизмом Мильерана или Берштейна, Макдональда или Зюдекума. Жорес никогда не был лакеем или продажным агентом буржуазии. Он был беззаветно преданным делу пролетариата борцом, грозным противником буржуазии, но предлагавшиеся Жоресом рецепты разрешения социальных вопросов были утопичны, так как базировались не на действительности, а на мелкобуржуазных иллюзиях, приукрашивающих ее. Его отвлеченный гуманизм нередко заслонял классовое размежевание общества и непримиримость классовых противоречий. Жорес, однажды выбрав, более не колебался, с кем ему идти — с пролетариатом или с буржуазией. Но Жорес склонен был видеть добрую волю там, где в действительности были лишь жестокий расчет или злой умысел. Он стремился убедить своих противников доводами разума и в тех случаях, когда конфликт мог быть решен лишь в итоге решительной классовой борьбы. В переводе на политический язык его действия означали проповедь классового примирения.

Субъективная убежденность Жореса в своей правоте отнюдь не делала его реформизм менее вредным для рабочего движения, скорее наоборот. Поэтому-то Ленин и вел против этого реформистского направления решительную борьбу. Но отмеченные В. И. Лениным чистота намерений и субъективная честность Жореса многое объясняют в его облике политического борца.

Оценивая роль Жореса в истории общественной борьбы, следует видеть его заслугу, разумеется, не в его утопически-реформистских иллюзиях и планах, не в многочисленных неудачных попытках их осуществления. Попытки иных авторов подсчитать сумму совершенных Жоресом ошибок антиисторичны не только потому, что Жорес никогда не был, да и не считал себя подлинным марксистом, но и потому, что эти авторы проходят мимо главного в деятельности Жореса как политического борца.

Сила Жореса заключалась в том, что, несмотря на все свои заблуждения и ошибки как социалиста, он всегда оставался смелым революционным демократом, мужественным борцом против тайных и открытых врагов демократии, империалистов, поджигателей войны, он всегда был человеком действия, защитником интересов и нужд французского народа. Жорес, сражаясь за мир и братство всех народов, никогда не отделял французский народ от остального человечества.

По свидетельству одного из современников, Жорес обладал «сверхчеловеческой храбростью»¹⁶. Порвав с буржуазными республиканцами, с классом буржуазии в целом и перейдя в лагерь пролетариата, Жорес повел атаку против реакционной буржуазии с такой силой и страстностью, какой не ожидал от него ни один из его бывших буржуазных коллег.

Жорес принимал самое непосредственное и горячее участие во всех крупных боях, которые французская демократия вела против сил реакции. Он выступал против буданжистского заговора, против «панамистов», против авторов и сторонников «злодейских законов», он сражался в первых рядах в кампании демократов против «президента реакции» Перье во время знаменитого дела Дрейфуса. Жорес ратовал энергичнее и смелее других против предоставления займа царскому правительству в дни русской

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 268.

¹⁶ A. Zévaès. Le parti socialiste de 1904 à 1923. Paris, 1923, p. 124.

революции 1905—1907 гг., которую он восторженно приветствовал. Он вел открытую борьбу против политики «социального консерватизма» и насилием над бастующими, проводимую кабинетами Клемансо и Бриана, энергично выступал против империалистической политики Пуанкаре. Не было, можно сказать, ни одного сколько-нибудь крупного сражения с реакционными силами, от которого Жорес уклонился бы или в котором он принял бы только косвенное участие.

А между тем в ту пору в среде французских социалистов вопрос об участии социалистического пролетариата в борьбе против наступления или вылазок реакции отнюдь не считался решенным. Как известно, и во время буланжистского кризиса и во время дела Дрейфуса — Золя Жюль Гед, а вслед за ним и большинство французских социалистов заняли сектантаскую позицию «невмешательства», ошибочно полагая, что рабочему классу нет дела до борьбы, происходящей между отдельными партиями и группами эксплуататорских классов.

Заслугой Жореса перед французским социализмом было то, что он понял неотделимость интересов пролетариата от интересов демократии, необходимость для рабочего класса защищать демократические учреждения. Жорес справедливо подчеркивал, что «не только в интересах человечества, но и в прямых интересах пролетариата протестовать, как мы это делали, против беззаконий, раскрытых процессом Дрейфуса», ибо «независимо от его происхождения и предназначавшейся ему роли, он (процесс.—А. М.) становится резким протестом против общественного порядка»¹⁷.

Бесспорной заслугой Жореса было то, что он вменял социалистам в обязанность, подтверждая это примером собственной борьбы, быть всегда на страже республики и демократии, защищать их от посягательств реакции.

В ноябре 1900 г., выступая в Лилле на диспуте с Гедом, Жорес говорил: «Когда поставлена на карту республиканская свобода, когда угрозе подвергается свобода духа, свобода совести, когда старые предрассудки, разжигающие национальную ненависть, снова возрождаются и когда, кажется, жестокие религиозные междоусобия минувших веков снова готовы возгореться, тогда долг социалистического пролетариата — стать впереди тех буржуазных фракций, которые не хотят пойти назад, во тьму прошлого»¹⁸.

Этот призыв к защите «республиканской свободы», провозглашенный почти 60 лет назад замечательным французским трибуном, сохраняет и ныне глубокую жизненность и актуальность.

«Сверхчеловеческая храбрость» Жореса проявлялась не только в том, что он смело бросался в самую гущу сражений, но также и в методах ведения им борьбы против реакции.

В отличие от многих других лидеров II Интернационала, осуждавших «капитализм вообще», охотно произносивших против него длинные речи, но обходивших почтительным молчанием его главарей в своей собственной стране, Жорес наносил удары прежде всего по французской реакции, по французскому империализму, и не анонимно, а разоблачая их в лицах и конкретных действиях.

Французская реакция потому так ненавидела Жореса, что его борьба всегда была конкретной и действенной. Жорес поражал французский империализм в лице его главных представителей: он срывал маски со всех этих Дююи, Мелинов, Перье, Делькассе, Рувье, Пуанкаре, он поднимал ярость масс против проводимой ими антинародной политики.

Жорес превосходно сознавал, что такая тяжелая, трудная, но действенная борьба более нужна пролетариату, чем абстрактные осуждения капита-

¹⁷ J. Jaures. Les preuves. Affaire Dreyfus. Paris, 1898, p. 13—14.

¹⁸ Ж. Жорес, Ж. Гед. Две тактики. СПб, 1906, стр. 10.

лизм, на которые были столь щедры центристские лидеры II Интернационала. Вот почему, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, правый Жорес имел все основания критиковать слева руководителей германской социал-демократии, обратившись к ним на Амстердамском конгрессе 1904 г. с горькими словами: «Вы скрыли от своего собственного пролетариата, от интернационального пролетариата вашу неспособность действовать за непримиримостью теоретических формул, которые вам будет доставлять ваш превосходный товарищ Каутский до самой своей смерти»¹⁹.

В конце XIX — начале XX в. Жорес показал пролетариату образцы борьбы в защиту демократии и республики. Созданные им традиции продолжают жить и сегодня в сознании передовых французских рабочих и всех искренних демократов.

Жорес сделал много и для развития боевой традиции французской демократии — борьбы против колониальной политики и колониализма вообще.

Жорес не был первым во французском социалистическом движении, кто выступил против политики колониальных захватов и насилий в колониях, чинимых французскими господствующими классами. Еще во время колониальных походов в Тунисе и Индо-Китае против этой политики вели смелую и мужественную борьбу Жюль Гед, Поль Лафарг и другие французские социалисты. Но Жорес сумел внести в эту борьбу против колониализма всю силу своего темперамента политического бойца, смелость и азарт атакующего, убежденность в правоте отстаиваемого дела.

Жорес выступил против политики грабежа и угнетения колониальных народов во всех их проявлениях, не делая исключений ни для кого. Он осуждал французские завоевательные войны на Мадагаскаре (1894—1896 гг.) и в Северной Африке, гневно клеймил грабительскую авантюру Италии против Эфиопии (1895—1896 гг.), преступное вооруженное подавление «цивилизованными» империалистическими державами национально-освободительного движения в Китае (1900 г.), войну английского империализма против бурских республик, резню и истребление армян турецким султаном Абдул-Хамидом, жестокую расправу над восставшим народом Кипра, корыстные расчеты империалистических держав в балканских делах и т. п.²⁰

Правда, и в вопросах борьбы против политики колониализма Жорес нередко высказывал ошибочные суждения или, поддаваясь иллюзиям, приукрашивал порой действительность²¹. Однако не это было главным в его деятельности. Замечательной чертой Жореса, выгодно отличавшей его от «теоретических противников» капитализма типа Каутского, была конкретность и целеустремленность его борьбы. Выступая против всех проявлений колониализма, от кого бы они ни исходили, он, как истинный французский патриот, как социалист, правильно понимающий свой интернациональный долг, прежде всего и главным образом сражался против французского империализма. Жорес, можно сказать, неотступно, по пятам преследовал французских колонизаторов. Но с особой силой и яростью обрушился он на колониальную авантюру в Марокко.

Едва обозначились захватнические намерения Франции по отношению к Марокко, Жорес решительно и смело выступил против них. Он гласно называл политику французского правительства в марокканском вопросе

¹⁹ Ж. Жорес, А. Бебель. Две речи. Одесса, 1905, стр. 40.

²⁰ См. J. Jaurès. Oeuvres, vol. I. Pour la paix. Les alliances européennes. Paris, 1931; его же. Oeuvres, vol. II. La paix menacée. Paris, 1931; его же. Oeuvres, vol. IX. Au bord de l'abîme. Paris, 1939.

²¹ Так, например, он идеализировал взаимоотношения между Англией и доминионами и, говоря о структуре Британской империи, всерьез уверял «в благородстве этого британского единства..., основанного на свободе». — J. Jaurès. Oeuvres, vol. IX. Au bord de l'abîme, p. 112. Социалист Жорес не понимал, что он повторяет лишь пропагандистские утверждения английских либералов!

«бессмысленной и подлинно преступной»²². Он предостерегал в сентябре 1903 г., и это предостережение актуально и ныне, что политика колониальных авантюр создает угрозу для самого республиканского строя во Франции. В статье «Un grand danger» Жорес писал: «Военно-колониальная интрига, которую Франция стремится завязать в Марокко, — это одна из самых больших опасностей, угрожающих республике и Франции»²³.

С тех пор на страницах «L'Humanité», в речах в палате депутатов, на широких собраниях изо дня в день, на протяжении ряда лет, Жорес разоблачал и осуждал прабительскую политику Франции в Марокко²⁴. В присутствии ему смелой манере называть противников по именам Жорес бесстрашно выступал против официальных руководителей французского правительства. «На протяжении семи лет страну систематически обманывали в этом марокканском вопросе», — писал Жорес в 1912 г. И он тут же раскрывал, кто ее обманывал — Делькассе, Пишон, Клемансо, Кайо, Круппи²⁵. Жорес доказывал, что их политика позорна для Франции, глубоко чужда и враждебна ее подлинным национальным интересам.

Ныне, в свете продолжающейся уже много лет войны в Алжире, эти гневные обличения Жоресом колониальной политики, как антinationальной, противоречащей интересам Франции и республики, вновь звучат в полный голос.

* * *

Общепризнанной заслугой Жореса не только перед французским народом, но и перед народами всех стран, заслугой, оплаченной им ценой собственной жизни, является его борьба против войны, за мир.

Борьба против милитаризма и войны, за дружбу и братство народов, за мир на земле не была в политической биографии Жореса только одной из ее страниц, боевой кампанией, проведенной в перерыве между другими политическими выступлениями. Это была, по его собственному, очень точному определению, «непрерывная битва» («lutte perpétuelle»), которую он вел всю свою жизнь.

Рассказать о борьбе Жореса против милитаризма и войны — это значит пересказать 20 томов его статей, речей, выступлений, воспроизвести основное содержание издававшейся им с 1904 г. газеты «L'Humanité», вспомнить о каждом дне его жизни. Вся борьба Жореса против реакции, против своекорыстного эгоизма крупной буржуазии, против колониальных захватов была неразрывно связана с его борьбой против войны, в защиту мира.

Из руководителей французской социалистической партии и II Интернационала Жорес лучше, чем кто-либо другой, понимал тесную связь между реакционной внутренней, захватнической колониальной политикой и подготовкой империалистической войны.

В одном из последних своих выступлений на собрании в Вез, близ Лиона, 25 июня 1914 г., на пороге первой мировой войны, Жорес, указывая на долю ответственности Франции за надвигавшуюся на Европу и мир войну, говорил: «И я подчеркиваю перед лицом истории, что мы ее (войну. — А. М.) предвидели, что мы о ней предупреждали, когда мы заявляли, что проникать насильственно с оружием в руках в Марокко — это значит открыть в Европе эру честолюбивых, жадных замыслов и конфликтов; нас клеймили как плохих французов, а ведь именно мы заботились о Франции»²⁶.

Это выступление замечательно и тем, что Жорес здесь подчеркивает мысль о подлинном патриотизме социалистов, боровшихся против раз-

²² J. Jaurès. Oeuvres, vol. II. La paix menacée, p. 33.

²³ Ibid., p. 36.

²⁴ См. J. Jaurès. Oeuvres, vol. V. Le Guèpier Marocain (1906—1908). Paris, 1933; его же. Au bord de l'abîme. Подробнее о позиции Жореса в колониальном вопросе см. статью Ж. Брюа. — «Французский ежегодник», т. I. М., 1959.

²⁵ J. Jaurès. Au bord de l'abîme, p. 97.

²⁶ Ibid., p. 384.

бойничьих, грабительских войн. Жорес был действительно преданным сыном французского народа и своей родины, которыми он гордился и которых горячо любил. Он был великим французским патриотом, заботившимся об истинных интересах Франции. Именно как патриот и социалист он многократно подчеркивал и доказывал, что подлинные национальные интересы Франции предписывают ей не политику войны, проповедуемую буржуазными шовинистами, а политику мира и дружбы народов.

Жорес решительно отвергал пропагандировавшуюся одно время Гюставом Эрве — тогда крайним антимилитаристом, а позднее махровым шовинистом — политику национального нигилизма, обязательного якобы для пролетариев безразличия к судьбам своей страны, в частности к вопросу о ее национальной независимости. «Утверждение, что пролетарии, находящиеся во власти капитала, не подвергнутся в результате иностранного вторжения и завоевания еще худшему угнетению, является детским вздором», — гневно возражал Жорес²⁷.

Как истинный французский патриот, Жорес мечтал освободить Францию от власти империалистов и грабителей-финансистов, «вырвать отечество из рук лиц, взявших его на откуп»²⁸ и ведущих своекорыстную политику, противоречащую интересам Франции. «Только в социальной республике Франция найдет возрождение своего величия», — писал Жорес²⁹, подчеркивая, что истинное величие страны не в кровавой политике войн, а в политике мира.

Как многоопытный политический деятель, неизменно стоявший на страже мира и превосходно ориентировавшийся в международной обстановке, Жорес, естественно, уделял много внимания вопросу о франко-германских отношениях и о роли милитаристской Германии в обострении империалистических противоречий в Европе.

Жорес, которого реакционно-шовинистические круги обвиняли в «гермаофильстве», превосходно понимал, какую опасность несет для мира милитаристская Германия. Но, предупреждая о грозной опасности, исходящей от имперской «кастовой, юнкерской Германии», как Жорес ее называл, он искал путь к разрешению франко-германских противоречий не средствами войны или дипломатических конфликтов, а путем сближения народов двух стран, путем сотрудничества между демократической Францией и демократической Германией.

Жорес, так горячо приветствовавший русскую революцию 1905—1907 гг., связывал с победой русского народа надежды на большие изменения и в международной политике. «Приход к власти народа России, — говорил он, — явится чудесной гарантией, особенно для нас, независимости и достоинства нашей страны»³⁰. Жорес полагал, что победа русской революции создаст предпосылки «для подлинного франко-русского союза, союза не правительств, а народов, способного стать «могучим фактором мира в Европе»³¹.

Конечно, и в борьбе Жореса за мир и особенно в предлагавшихся им позитивных мерах предотвращения войны было немало ошибочного, тесно связанного с его реформистскими иллюзиями. В наиболее полном и законченном виде эти утопически-реформистские планы Жореса были выражены в его известной работе «Новая армия»³². Хотя в этой книге есть немало блестящих страниц и глубоких и справедливых суждений о милитаризме, самый проект создания «новой армии» при сохранении капиталистического строя был насквозь утопичен. Не было недостатка и в других частных ошибочно-реформистских высказываниях Жореса по тому или иному конкретному поводу.

²⁷ J. Jaurès. Oeuvres, vol. IV. L'Armée nouvelle. Paris, 1932, p. 302.

²⁸ Ibid., p. 344.

²⁹ J. Jaurès. Oeuvres, vol. I. Les alliances européennes, p. 118.

³⁰ «L'Humanité», 5.XII.1905.

³¹ «L'Humanité», 10.VI.1905.

³² J. Jaurès. L'Armée nouvelle.

Не это, однако, определяет облик Жореса как борца против войны, не это является главным в его идейном наследии.

Революционное чутье, темперамент борца помогли Жоресу, при всех его ошибках, находить ту решающую силу, которая могла преградить дорогу войне. Замечательно, что Жорес, который нередко пытался доводами от разума переубедить правящие круги, призывая их остановиться на «краю пропасти», в час, когда опасность надвинулась на Европу, обратился прежде всего к пролетариату и возлагал все свои надежды именно на его организованную мощь. Он призывал рабочих и социалистов «удвоить активность в укреплении своих связей, умножить свою солидарность, чтобы дать почувствовать всем державам варварства силу цивилизации, которую несет в себе всемирный пролетариат»³³.

В своей речи в Вез Жорес говорил: «В момент, когда мы стоим перед угрозой гибели и одичания, у нас остается только один шанс на сохранение мира и спасение цивилизации — он в том, чтобы пролетариат собрал все свои силы, всех братьев и чтобы все пролетарии — французы, англичане, немцы, итальянцы, русские — потребовали от этих тысяч людей объединения для того, чтобы единодушное биение их сердец предотвратило ужасный кошмар»³⁴.

Жорес не имел здесь в виду только пацифистские средства. В своих выступлениях накануне войны он многократно повторял, что если, вопреки воле народов, война будет все-таки развязана, — из нее родится революция. Он считал несомненным, что война породит революционную ситуацию в умах, в сердцах, в сознании масс, что миллионы вооруженных людей «закончат тем, что обратят свою силу в другую сторону, направят ее против европейского режима безумия и преступления»³⁵.

Знаменательно в этой связи то значение, которое придал Жорес забастовке петербургских рабочих в июле 1914 г. Он увидел в ней «волнующую манифестацию народной России, которая через голову франко-русской реакции обратилась с призывом к народной Франции»³⁶.

Когда война уже вплотную надвинулась на Европу, Жорес продолжал бороться против нее с тем же мужеством. За два дня до ее начала, в страстной речи на международном социалистическом митинге в Брюсселе, Жорес вновь пророчески предупреждал, что если правящие классы все же развяжут войну и обрекут массы на смерть и нищету, тогда «отрезвленные люди повернутся против своих немецких, французских, русских, итальянских хозяев», тогда придет «Раскованная революция»³⁷.

31 июля, буквально в последний час перед началом войны, Жорес был убит. Жорес был уже мертв, но со страниц «L'Humanité» в этот день еще звучал его призыв:

«То, что сейчас нужнее всего, — это непрерывность действия, это — постоянная бдительность пролетарской мысли и совести. В этом — истинная защита. В этом — гарантия мира»³⁸.

Последние слова великого борца за дружбу народов и глашатая мира Жана Жореса звучат и сегодня как призыв для всех тех, кто хочет преградить дорогу войне и сохранить мир в этом мире.

³³ J. Jaurès. Au bord de l'abîme, p. 25.

³⁴ Ibid., p. 356.

³⁵ Ibid., p. 187.

³⁶ Ibid., p. 376.

³⁷ Ibid., p. 395.

³⁸ «L'Humanité», 31.VII.1914.

